

ПЕРВЫЙ КУСОК

Это их вид спереди... Вы спросите: чей? Да молодого Гумми, сумчатого медведя из Австралии, а также его родного Дядюшки по прозвищу Стручок.

И с первого взгляда всем ясно — не стоит даже об этом много говорить, — какой он симпатичный, кругленький и вообще привлекательный паренёк, этот Гумми.

А со второго взгляда все могут убедиться, что Дядюшка Стручок в большей степени квадратный, нежели круглый, и что лицо его украшено (или испорчено) густыми-прегустыми бакенбардами.

Ну а теперь посмотрите на них обоим сбоку, и вы снова убедитесь в том, какой славный у нас Гумми, как он располагает к себе. Но на этот раз увидите лишь одну из замечательных бакенбард его Дядюшки.

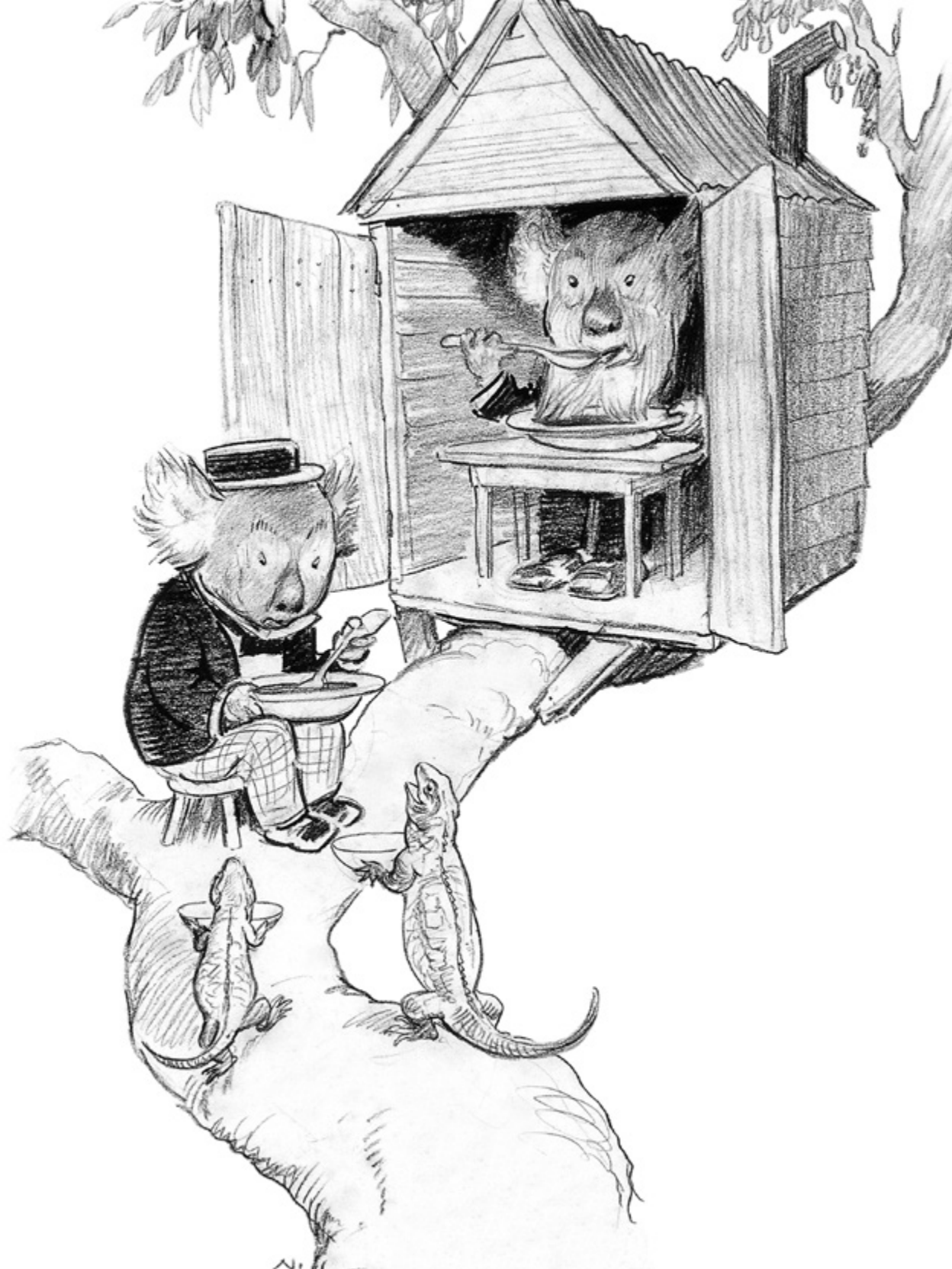

Глядя же на наших героев сзади, вы, к сожалению, совсем потеряете из вида Дядюшкины бакенбарды и, таким образом, чего доброго, позабудете, какую важную роль должны они сыграть в нашей истории...

Ведь именно из-за этих бакенбард Гумми не оставалось ничего другого, как покинуть родной дом и отправиться по белу свету, повторяя про себя такие слова:

Меня вообще от бакенбард мутит,
Мне неприятен бакенбардный вид.
Но хуже вдвое и ещё на треть —
Их на лице у Дяди лицезреть!

А всё дело в том, что Гумми и его Дядюшка жили в очень тесной однокомнатной квартирке на дереве, и в ней — хоть плачь! — совершенно не оставалось места для бакенбард. К тому же бакенбарды были рыжие, да ещё развевались во все стороны, когда дул ветер, а Дядюшка неизменно садился вместе с ними за обеденный стол, и они вечно лезли в кастрюлю с супом.

Гумми же был очень опрятен, ему не нравился суп с бакенбардами, и потому он вынужден был обедать не дома за столом, как все люди, а снаружи, что не слишком удобно. Кроме того, там отбоя не было от ящериц – они лезли, приставали и клянчили суп...

К глубокому огорчению Гумми, его Дядюшка наотрез отказывался выслушивать какие-либо разумные предложения по поводу своих бакенбард. Было совершенно бесполезно, в виде лёгкого намёка, дарить ему бритву, или ножницы, или, наконец, коробку

спичек — чтобы было чем немножко их подпалить.

Во всех этих случаях он выражал своё несогласие возмущёнными жестами и громкими возгласами. Например, такими:

Прочь вашу стрижку!
Не хочу я бриться!
Им не отдам свою наружность я!

А если бывал особенно обижен или раздражён, то добавлял:

Лишь кто умом совсем зачах,
Не любит бакенбарды в щях!
Но кто разумен, тот вообще
Их любит в супе и в борще!..
Кто башковит и головаст,
В обиду бакенбард не даст!

И вот, поскольку все разговоры и уговоры, все мольбы и просьбы о том, чтобы расстаться с бакенбардами, оказались безрезультатными, Гумми

решил оставить дом своего Дядюшки Стручка и отправиться путешествовать.

Только поначалу он никак не мог сообразить, кем же ему сделаться – туристом или бродягой: потому что нельзя ведь пуститься по белу свету, не будучи решительно никем...

Да, но если вы турист, у вас непременно должен быть чемодан, а если вы бродяга, вам совершенно необходим мешок, и вопрос в том – что тяжелей?!

В конце концов Гумми решил поведать свои сомнения Румпусу-Бумпусу, местному поэту и философу, и послушать, что ему тот посоветует.

Гумми застал Румпуса-Бумпуса за работой – поэт писал стихи мелом на грифельной доске и был весь белый, как мельник.

– Простите, я... – начал Гумми и услышал в ответ:

Не прерывай, мой друг, поэта,
Не то влетит тебе за это!

Не поворачиваясь к пришедшему, Румпус-Бумпус продолжал писать, бормоча при этом:

Тра-та-та-та-та козёл,
Тра-та-та-та-та на луг,

Тра-та-та-та-та пришёл,
Тра-та-та-та-та как вдруг...

— Тра-та-та-та-та совет, — робко сказал Гумми, — тра-та-та-та-та хочу...

— Замолчишь ты или нет? — закричал Румпус-Бумпус.

— Тра-та-та-та-та молчу, — ответил Гумми.

Поэт по-прежнему скрипел мелом, он исписал одну сторону грифельной доски, потом другую и только тогда поднял голову и сказал:

Ну, говори, о чём хотел,
Пока я снова не взлетел
На поэтический Парнас...
Лишь две минуты есть у нас.

— Дело в том, — заговорил Гумми, — что я решил побродить немного по белу свету. Но никак не могу выбрать, кем же мне стать — туристом или бродягой... А вы как посоветуете?

И поэт ответил так:

Что у туриста? Чемодан.
Но чемодан тебе не дан.
Какой бродяга без мешка?
Но у тебя пуста рука.
Турист без чемодана — пшик!
Бродяга без мешка — никто!
Пускай костюм отлично сшит,
Пускай в лохмотьях всё пальто —
Не для тебя туриста роль:
Турист без чемодана — ноль!
С бродягой тоже дело дрянь:
Мешок сначала ты достань!
Без них — тебе заметит всяк:
Ты не турист и не босяк!..

– Боже мой! – воскликнул Гумми. – Что же делать, если у меня нет ни чемодана, ни мешка? Как без них увидеть белый свет?

Румпус-Бумпус глубоко задумался, вставил в глаз монокль, потом вынул его, протёр и сказал:

Ну, коли так, вот мой совет:
Иди, гляди на белый свет,
Раскидывай умишком.
Иди без всяких дураков,
Без чемоданов и мешков,
Но с ТРОСТОЧКОЙ под мышкой,
И на вопросы отвечай,

Мол, я гуляю невзначай,
Мол, засиделся слишком.

— Теперь мне всё понятно, вы открыли мне глаза!
Большое спасибо! — сказал Гумми. — Гуд бай.

Он пожал руку Румпусу-Бумпусу и побежал домой.

Там он взял прогулочную трость своего Дядюшки и сразу же, без лишнего шума, отправился глядеть на белый свет и раскидывать умишком.

Он шёл по белу свету и видел, что там есть много разных разностей: одуванчики и муравьи, трактора и норовистые лошади, собаки динго и кенгуру, и даже фургоны для перевозки мебели. Не говоря уже о разных людях. И все эти люди были хорошими. За исключением плохих.

Гумми шёл и шёл, и много чего видел и замечал, несмотря на то что приходилось постоянно приподнимать шляпу и здороваться со всеми встречными и поперечными. А иногда остановиться и побеседовать с кем-либо из встречных или из поперечных. Потому что он был хорошо воспитанным молодым человеком с прекрасными манерами и повадками и умел порассуждать о самых различных вещах — недаром он читал все лучшие книжки австралийских писателей.

К несчастью, покидая дом в спешке, Гумми не удосужился запастись едой и, когда подошло время второго завтрака, почувствовал страшный голод и не знал, что делать и как быть!

— Боже мой! — стонал он. — Я сейчас просто умру от истощения. Никогда не думал, что желудок играет такую важную роль в жизни человека. Я-то полагал, у меня есть всё что надо. А выходит, главное — это еда, и без неё — ты ни туда и ни сюда... Ведь, казалось бы, что?..

Палка есть – чтоб с ней ходить,
Здравый ум – чтобы судить,
Мысли – чтоб слова слагать,
И глаза – чтобы моргать,
Зубы есть – чтобы жевать,
Губы – чтобы напевать.
Ноги есть и руки есть...
Да всего не перечесать!
Что ж мне белый свет не мил,
Что же он черней чернил?!
Видно, радости не те,
Если пусто в животе!
Да, нельзя пускаться в путь,
Позабывши про еду...
Как же я теперь дойду?
И дойду ль куда-нибудь?!

Предаваясь этим печальным размышлениям, Гумми подошёл к повороту дороги и сразу же увидел за ним двух незнакомцев, которые как раз сидели и уплетали свой второй завтрак. Это были не кто иные, как бравый моряк Билл Кляп и его закадычный приятель Сэм Размахай, смелый пингвин.

Билл Кляп, чтоб вы знали, очень маленького роста, но зато в очень большой шляпе, и борода у него

2

вдвое меньше шляпы, а ноги – вдвое короче бороды. А у Сэма Размахая ноги всё время сидят, а туловище всё время стоит – потому что ноги слишком короткие, чтобы стоять, а туловище слишком длинное, чтобы сидеть.

Но главное не в этом. Главное в том, что перед путниками стояла миска с пудингом, и запах от него шёл такой, что пройти мимо не смог бы решительно никто. Даже скорый поезд.

– Извините, – сказал Гумми, приподнимая шляпу. – Я не ошибусь, если предположу, что вы едите мясной пудинг с горохом?

– В настоящее время да, – отвечал Билл Кляп хриплым моряцким голосом.

– Пахнет превосходно, – заметил Гумми.

– Да, превосходно пахнет, – согласился Билл Кляп и положил в рот большущий кусок пудинга.

Гумми был слишком хорошо воспитан для того, чтобы самому напрашиваться на угощение, поэтому он продолжал так же учтиво:

– А буду ли я прав, если замечу, что в этом пудинге есть лук?..

– Будете, – ответил Билл с набитым ртом.

Но прежде чем моряк успел прожевать, раздался резкий сердитый голос из глубины миски:

Репа, соль, горох, корица,
Аты-баты, лук-порей...
Дай же парню подкрепиться
И кончай базар скорей!

— Альберт, что за манеры? — возмутился Билл Кляп. — Как вы себя ведёте, сто тысяч акул... То есть бушпритов в глотку!

— А ты? — дерзко ответил Пудинг. — Чавкаешь так, что в Европе слышать, и даже кусочка не предложишь бедному незнакомцу!

— Вот, пожалуйста, — сказал Билл, обращаясь к Гумми. — Он у нас со странностями, не обращайтесь внимания. Страшно любит предлагать кусочки самого себя незнакомым людям.

— Как это любезно с его стороны, — ответил Гумми, а Пудинг громко сказал:

— Плевать на любезность! Терпеть не могу!
Любезность, любезность на каждом шагу!
Со мной про любезность, любезный, забудь —
Я просто за то, чтобы двинуться в путь!

— Ужасно злится и обижается, когда его не едят, — поспешил сказать Билл. — Это у него прямо пунктик такой — чтоб его всё время ели... Что ж, не будем раздражать Альберта, и я прошу вас разделить с нами завтрак, будь я дважды неладен!

— С огромным удовольствием, — сказал Гумми и уселся рядом с путниками. — Нет ничего лучше хорошего куска мясного пудинга с горохом да ещё на свежем воздухе.

— Прекрасно сказано, — заметил Сэм Размахай и похлопал Гумми по спине. — Мы приветствуем хороших едоков от всей души.

— Вам должен понравиться Пудинг, будь я проклят! — сказал Билл. И он отрезал и подал Гумми огромный кусище. — Это редкостный Пудинг, скажу я вам! Можете мне поверить.

— Его режешь, — добавил Сэм, — а он не делается меньше. Честное слово! Он ведь...